

УДК 34.096

Цифровая правосубъектность: феномен или фикция?

Самолысов Павел Валерьевич

Академия управления МВД России,

Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;

кандидат педагогических наук, доцент, academys@mail.ru

Аннотация. Цель. Исследование юридических и фактических возможностей наделения правосубъектностью механических и программных сущностей. Методы: диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод. Результаты. Выявлен ряд проблем правового регулирования использования новых информационных и коммуникационных технологий в условиях цифровой экономики. Проведен сравнительный анализ основания наличия цифровой правосубъектности у человека, организации, живого организма, а также робота (в том числе обладающего искусственным интеллектом). Сделан обоснованный однозначный вывод о преждевременности наделения правосубъектностью механических и программных сущностей. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве основы для дальнейших научных поисков, а также для нормотворчества.

Ключевые слова: информация, гражданское право, цифровое право, искусственный интеллект, юнит искусственного интеллекта, робот, естественный интеллект, физическое лицо (человек), юридическое лицо, электронное лицо, животное, правосубъектность, интеллект, эмоции, воля, автономность действий.

Digital legal personality: phenomenon or fiction?

Pavel Samolysov

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia,

Russia, 125993, Moskva, ul. Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh, d. 8;

PhD in Pedagogics, Associate professor, academys@mail.ru

Abstract. Purpose. A study of the legal and factual possibilities for the attribution of legal personality mechanical and software entities. Methods: dialectics, the analysis, synthesis, deduction, an is formal-legal method, a rather-legal method. Results. A number of problems of legal regulation of the use of new information and communication technologies in the digital economy are revealed. A comparative analysis of the basis of the presence of digital legal personality in humans, organizations, living organisms, as well as a robot (including having artificial intelligence). The author makes a reasonable unambiguous conclusion about the prematurity of granting legal personality to mechanical and software entities. The conclusions contained in this article can be used as a basis for further scientific research, as well as for lawmaking.

Key words: information, Civil Law, Digital Law, artificial intelligence, artificial intelligence unit, robot, natural intelligence, natural person (person), legal person, electronic person, animal, legal personality, intelligence, emotions, will, autonomy of actions.

Научно-техническое развитие человечества в последние годы привело к необходимости переосмысления вопросов правового регулирования использования информационных и коммуникационных технологий, в том числе робототехники, искусственного интеллекта, «электронного лица» и т.д. (в дальнейшем также – цифровые сущности). В связи с чем актуальным направлением научного исследования стала проблематика правосубъектности указанных цифровых сущностей, а также проблема определения юридической ответственности.

Каждая основная отрасль права характеризуется тем, что участники регулируемых ею отношений обладают особым правовым статусом, охватывающим правосубъектность, а также основные права и обязанности субъектов [1, с.156-157].

Изначально, в теории права правосубъектность понимается как возможность (способность) **гражданина** выступать в качестве субъекта прав и обязанностей [2, с.126], а субъективные права и юридические обязанности

рассматриваются юридической наукой в качестве элемента правовых отношений [3, с.313-315].

В связи с чем возникает вопрос: обладают ли правосубъектностью цифровые сущности?

В настоящее время делаются теоретические попытки признания определенной специфической правоспособности юнитов искусственного интеллекта [4, с.91-109; 5, с.35-44; 6, с.15-30; 7, с.189-203; 8, с.246–248; 9; 10, с.36-55].

П.М. Морхат в докторской диссертации пишет, что «следующие ключевые характеристики юнитов искусственного интеллекта актуализируют проблему определения их правосубъектности и способности нести юридическую ответственность за свои действия:

- автономность и самоорганизация;
- способность к обучению и самообучению;
- способность к разумному мышлению и поведению» [11, с.248].

По мнению О.А. Ястребова, по аналогии с юридическими лицами, электронные лица способны к реализации своей правосубъектности при условии признания их на законодательном уровне субъектами права, действующими на равных основаниях с другими участниками общественных отношений [10, с. 36.55].

Предпосылки для наделения электронных лиц правами, по мнению О.А. Ястребова, были заложены в прецедентах, где в качестве субъектов права рассматривались существа, не принадлежавшие к человеческому роду. Необходимо отметить, что речь идет о животных, которые, например, в Новой Зеландии законодательно отнесены к разумным существам (New Zealand Animal Welfare Amendment Act 9. May 2015. № 49), а жестокое обращение с животными запрещено и уголовно наказуемо в России, США и ряде других странах.

Подчеркнем, что речь идет о живых существах, а не искусственно созданных механических или программных сущностях. Использование термина «электронное лицо», по мнению Д. Брайсон, М. Диамантиса и Т. Гранта, указывает на чёткое намерение придать некоторым предметам, наделенным элементами интеллекта, статус личности, наделённой правосубъектностью, которой наделено большинство людей [12].

В 2017 году Европейский Парламент в своей резолюции вместе с рекомендациями Комиссии «Нормы гражданского права о робототехнике» (European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL))) обозначил необходимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы хотя бы наиболее сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами.

При этом исследователи отмечают, что характер правового статуса электронного лица Европарламентом пока не ясен и, возможно, будет определен в будущем [13, с.59].

Изменения, внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации относят цифровые права к объектам гражданских прав. При этом, «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с *правилами информационной системы* (курсив наш – С.П.), отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны *только в информационной системе* (курсив наш – С.П.) без обращения к третьему лицу. Если иное не предусмотрено законом,

обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с *правилами информационной системы* (курсив наш – С.П.) имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо» (Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224, начало действия документа 1 октября 2019 года).

Таким образом, правоотношения в цифровом праве с 1 октября 2019 года будут регулироваться диспозитивно, то есть не законом (Гражданским кодексом), а некими правилами некой информационной системы, которые с одной стороны не являются обязательными для исполнения, а с другой стороны могут наделять правосубъектностью лиц, которых не признает субъектами права российское законодательство. В этой ситуации становится возможным одностороннее изменение правил информационной системы без согласия пользователя и без его уведомления.

Также, необходимо отметить и разрабатываемые в России законопроекты, которые, в частности, инициируют внесение изменений в Гражданский кодекс и наделяют роботов-агентов правоспособностью. При этом, «робот-агент *имеет обособленное имущество* (курсив наш – С.П.) и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени *приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности* (курсив наш – С.П.). В случаях, установленных законом, робот-агент может выступать в качестве участника гражданского процесса» (см., например, проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // URL: <http://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/bESvQz3Y.pdf>). В то же

время, ответственность за действия робота-агента, по данному законопроекту, несут собственник и владелец робота-агента.

Таким образом, речь идет о *потенциальной возможности наделения неживых объектов правосубъектностью*, что представляется весьма спорным утверждением. Вместе с тем, новая реальность диктует правовой науке требования по разработке моделей правового регулирования цифровых сущностей, определение цифровой правосубъектности, а также случаи ее возникновения, изменения и прекращения.

О.Н. Лебединец считает: «Для того чтобы стать полноправным субъектом гражданских правоотношений, каждое лицо должно обладать правосубъектностью. Таким образом устанавливаемое и защищаемое государством, не зависящее от воли и волеизъявления, интереса и желания отдельных лиц юридически значимое качество, наличие которого необходимо и достаточно для возможности вступления в гражданские правоотношения в качестве самостоятельного субъекта права, и носит название гражданская правосубъектность» [14, с.3].

По мнению М.А. Рожковой, «...к последствиям наступления юридического факта гражданского права следует относить не только движение гражданского правоотношения (его возникновение, изменение и прекращение), но и последствия реализации гражданской правосубъектности, а также последствия защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав» [15, с.463].

Придание электронному лицу отдельного правового статуса приведёт к созданию нового правового института, в рамках которого действия роботов будут осмысливаться отдельно от его владельца или пользователя, а также позволит прояснить, что происходит при вступлении в правоотношения с роботами, и определить отношения между роботом и третьей стороной, а также между роботом и его владельцем [16; 17].

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время в российском законодательстве роботы, а равно искусственный интеллект и «электронное лицо» не признаются субъектами гражданского или иного другого права.

Результаты опроса ученых-юристов по ключевым правовым проблемам систем искусственного интеллекта (робототехники), проводимого кафедрой интеллектуальных прав МГЮА в феврале 2018 г., показали, что идею наделения механических роботов (вещей) правосубъектностью и применение к ним в порядке аналогии правил о юридических лицах из 32 респондентов поддерживают 3 % опрошенных (1 респондент), 75 % опрошенных (24 респондента) считают такую идею *несостоятельной (абсурдной, вредной)* для правопорядка, а 22 % опрошенных (7 респондентов) – представили *иной вариант* ответа [18].

Понятие «робот» и «искусственный интеллект» и т.д., хотя и не нашли легального определения в российской правовой системе, но тем не менее определены в национальных стандартах Российской Федерации:

1. ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Классификация»:

Пункт 3.1: **робот** (*robot*) – исполнительное устройство с двумя или более программируемыми степенями подвижности, обладающее определенным уровнем автономности и способное перемещаться во внешней среде с целью выполнения поставленных задач.

Пункт 3.2: **робототехническое устройство** (*robotic device*) – исполнительное устройство, обладающее свойствами промышленного или сервисного робота, но у которого отсутствует требуемое число программируемых степеней подвижности или определенный уровень автономности (ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Классификация» / Утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.11.2016 № 1842-ст. М.: Стандартинформ, 2016).

2. Однако роботы не являются в современном понимании искусственным интеллектом. Так в ГОСТе Р 43.0.5-2009 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения» указано:

Пункт 3.8: **естественный** [неокортексный] **интеллект** – мышление человека, осуществляемое с использованием естественно-интеллектуализированного человекоинформационного взаимодействия.

Пункт 3.9: естественно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие – интеллектуализированное (клиаративно-креативное) взаимодействие человека с информацией, осуществляемое с использованием возможностей его собственной мыслительной деятельности.

Пункт 3.10: **интеллект** – способность субъекта (оператора) к отвлеченному мышлению, абстрагированию, позволяющая с возникновением самосознания и рефлексии использовать имеющуюся у него информацию некоторым полезным целенаправленным образом.

Пункт 3.17: **искусственный интеллект** – моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека (ГОСТ Р 43.0.5-2009 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения» / Утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 959-ст. М.: Стандартиформ, 2010).

Также необходимо заметить, что согласно российскому законодательству, животные относятся к имуществу и к ним применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное (ст. 137 Гражданского кодекса

Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. Ст. 3301).

С методологической точки зрения представляется целесообразным рассматривать цифровых субъектов правоотношений в сравнении с людьми и животными. В этой связи заслуживающим внимание является исследование В.В. Архипова и Н.Б. Наумова [19, с.157-170], посвященное вопросам возможной правосубъектности робота.

Указанные авторы, правоотношения с участием робота рассматривают в разрезе проблем **предмета** (концепция робота как животного), **субъекта** (концепция робота как юридического лица) и **содержания** (аспект юридической ответственности) правоотношения.

Обобщая явные и неявные наблюдения, вытекающие в том числе из основ психологии, философии, биологии и права В.В. Архипов и Н.Б. Наумов предлагают основания правосубъектности представить в наглядном (табличном) виде. Для целей определения цифровой правосубъектности цифровых сущностей возьмем ее за основу с нашими корректировками. На наш взгляд, посвятив значительную часть исследования рассмотрению философских подходов к определению вопроса воли, в том числе воли человека, воли животного, возможного наличия воли у робота, который тесно связан с правосубъектностью, авторы не нашли места для воли в таблице оснований правосубъектности. Что, на наш взгляд, является не совсем корректным, так как воля, наравне с интеллектом и эмоциями являются определяющими признаками правосубъектности (Таблица 1).

Правосубъектность, с одной стороны, неизменно связана с автономией личности, но, с другой, она не предоставляется исключительно человеку, законом она распространена и на нечеловеческих субъектов, таких как корпорации [20].

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и

осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. Ст. 3301).

Таблица 1. Основания наличия цифровой правосубъектности

	Интеллект	Эмоции	Воля	Автономность действия	Правосубъектность
Человек (физическое лицо)	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
Животное	Может быть ¹⁾	Есть	Нет ²⁾	Есть	Нет
Юридическое лицо	Нет	Нет	Есть ³⁾	Есть	Есть
Робот, в том числе обладающий искусственным интеллектом и являющийся электронным лицом	Нет ⁴⁾	Нет ⁵⁾	Нет ⁶⁾	Есть ⁷⁾	Нет

Примечания:

1) Например: самосознание у приматов.

2) Многие ученые считают, что животные имеют волю [21], но она им не нужна, так как ими в основном управляют инстинкты: инстинкты самосохранения, продолжения рода, родительские инстинкты и т.д.

3) Выразителем воли юридического лица является «реальный коллектив живых людей» [22, с. 663]. Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. Ст. 3301).

4) То, что принято называть интеллектом у роботов (искусственный интеллект) представляет собой компьютерную программу, алгоритм,

определяющие действия робота и имитирующие работу нейронов в коре головного мозга человека.

5) – 6) Результат работы алгоритма (программы), определяющий действия робота и имитирующие высокоуровневые психические процессы человека.

7) Согласно пункту 3.4 ГОСТ Р 60.0.2.1-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности», «**автономность** (*autonomy*) – способность выполнять поставленные задачи в зависимости от текущего состояния и восприятия окружающей среды без вмешательства человека» (ГОСТ Р 60.0.2.1-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности» / Утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.11.2016 № 1843-ст. М.: Стандартинформ, 2016).

Источник: Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157-170. (С нашими дополнениями и изменениями).

В целом, выводы ученых о наличии правосубъектности роботов и животных делаются в основном на основе наличия признака автономности, но «у животных и у роботов отсутствует такой критический важный элемент правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности» [23, р.176], которыми наделены физические и юридические лица.

По мнению Н. Ниванса, «Присвоение статуса личности неживой, бессознательной сущности является ошибкой, поскольку, в конечном итоге, человечество, скорее всего, будет низведено до уровня машины. Роботы должны служить человечеству и не должны играть никакой другой роли, кроме как в сфере научной фантастики» [24].

Система права, созданная людьми, в конечном счете существует для того, чтобы защищать интересы людей, а предложения, касающиеся наделения робота правосубъектностью, «рассматривается, в частности, как стремление признать действие в отношении роботов основных прав, таких как право на жизнь (т.е. право на неразрушение), право на достоинство, право на равенство с человечеством, право на пенсию, право на получение вознаграждения и т.д.

Данный аргумент вряд ли может рассматриваться как серьезный, если учитывать, что роботы могут рассматриваться как субъекты для определенной цели и только в определенных правоотношениях» [25, с.37].

Таким образом, механические или программные сущности на данном этапе социально-экономического развития нельзя рассматривать как идентичных физическим лицам и организациям – участникам правоотношений, поскольку свойственные им элементы правосубъектности (интеллект, эмоции, воля) не могут быть на них распространены.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 156-157.
2. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 126.
3. Сырых В.М. Теория государства и права. Учебник. М., 2014. С. 313-315.
4. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
5. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 35–44.
6. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30.
7. Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–203.
8. Сергун П.П. Субъектно-объектное образование как субъект управления // World science: problems and innovations: Сб. статей XIV Междунар. науч.-практич. конф. В 2 ч. Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. 376 с.

9. Морхат П.М. Искусственный интеллект. Правовой взгляд. М., 2017. 257 с.
10. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.
11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2019. 420 с.
12. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons [Электронный ресурс] // University of Bath: [сайт]. URL: [http:// www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf](http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf) (дата обращения: 20.05.2019).
13. Krausová A. Intersections between Law and Artificial Intelligence // International Journal of Computer. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 59.
14. Лебединец О.Н. Гражданская правосубъектность: (сущность, значение, содержание и элементы) // Юрист. 2003. № 9. С. 3.
15. Белов В.А. Общая часть. Т. II: Лица, блага, факты: Учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 463.
16. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots [Электронный ресурс] // Who's Who Legal. [2018]. URL: [http:// whoswholegal.com/news/features/article/ 34313/future-now-legal-consequenceselectronic- personality-autonomous-robots](http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequenceselectronic-personality-autonomous-robots) (дата обращения: 20.05.2019).
17. Morkhat P.M. Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2018, no. 2, p. 67. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73.
18. Огородов Д.В. Проблемы этической и правовой регламентации систем искусственного интеллекта (робототехники): обзор круглого стола IP Форума // URL: <http://ipcmagazine.ru/re-views/4374-probl-mes-de-r-gulation-thique-et-juridique-des-syst-mes-d-intelligence-artificielle-robotique> (дата обращения: 20.05.2019).
19. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.

20. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс] // Nishith Desai Associates [сайт]. URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (дата обращения: 20.05.2019).
21. Евсеев Е.Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 663.
23. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. No. 2. P. 176.
24. Nievans N. European Civil Law Rules in Robotics. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/fr/supporting-analyses-search.html> (дата обращения: 20.05.2019).
25. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 37. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.

References

1. Alekseyev, S.S. (2010). Sobraniye sochineniy. V 10 t. [+ Spravoch. tom]. Tom 2: Spetsial'nyye voprosy pravovedeniya [Collected works. In 10 t. [+ Reference Tom]. Volume 2: Special Law Issues]. Moscow. pp. 156-157.
2. Khalfina, R.O. (1974). Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii [General doctrine of legal relationship]. Moscow.
3. Syrykh V.M. (2014). Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow.
4. Ponkin, I.V. & Red'kina, A.I. (2018). Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. «Yuridicheskiye nauki» 22(1), 91–109.

5. Ponkin, I.V. & Red'kina, A.I. (2018). Iskusstvennyy intellekt i pravo intellektual'noy sobstvennosti [Artificial Intelligence and Intellectual Property Law]. Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava (2), 35–44.
6. Gadzhiyev, G.A. (2018). Yavlyayetsya li robot-agent litsom? (Poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki) [Is the robot agent face? (Search for legal forms for regulating the digital economy)]. Zhurnal rossiyskogo prava, (1), 15–30.
7. Yastrebov, O.A. (2017). Diskussiya o predposylkakh dlya prisyoyeniya robotam pravovogo statusa «elektronnykh lits» [Discussion on the prerequisites for assigning robots the legal status of “electronic persons”]. Voprosy pravovedeniya, (1), 189–203.
8. Sergun, P.P. (2017). Sub'yektno-ob'yektnoye obrazovaniye kak sub'yekt upravleniya [Subject-object education as a subject of management]. World science: problems and innovations: Sb. statey XIV Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. V 2 ch. Ch. 2. [World science: problems and innovations: Sat. Articles XIV Intern. scientific and practical conf. in 2 parts, Part 2]. Penza: MTSNS «Nauka i prosveshcheniye».
9. Morkhat, P.M. (2017). Iskusstvennyy intellekt. Pravovoy vzglyad. Moscow.
10. Yastrebov, O.A. (2018). Pravosub'yektnost' elektronnoy litsa: teoretiko-metodologicheskiye podkhody [The legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 13(2), pp. 36–55.
11. Morkhat P.M. (2019). Pravosub'yektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovyye problemy: diss. ... dokt. yurid. nauk. [The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems. Doctoral Thesis]. Moscow.
12. Bryson, J.J., Diamantis, M.E. and Grant, T.D. (2017) Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons. Artificial Intelligence and Law, 25(3), 273–291.
<https://doi.org/10.1007/s10506-017-9214-9>
13. Krausová, A. (2017). Intersections between Law and Artificial Intelligence. International Journal of Computer, 27(1).

14. Lebedinets O.N. (2003). Grazhdanskaya pravosub"yektnost': (sushchnost', znachenije, sodержaniye i elementy) [Civil legal personality: (essence, meaning, content and elements)]. Yurist, (9).
15. Belov V.A. (2011). Obshchaya chast'. T. II: Litsa, blaga, fakty: Uchebnik. Moscow: Yurayt.
16. Schrijver, S. de (2018). The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots. Who's Who Legal. Available at: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequenceselectronic- personality-autonomous-robots>.
17. Morkhat P.M. (2018). Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, no. 2. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73.
18. Ogorodov, D.V. (2018). Problemy eticheskoy i pravovoy reglamentatsii sistem iskusstvennogo intellekta (robototekhniki): obzor kruglogo stola IP Forum [Problems of ethical and legal regulation of artificial intelligence systems (robotics): review of the IP Forum round table]. Available at: <http://ipcmagazine.ru/reviews/4374-probl-mes-de-r-gulation-thique-et-juridique-des-syst-mes-d-intelligence-artificielle-robotique>.
19. Arkhipov, V.V. & Naumov, V.B. (2017). O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub"yektnosti [On some issues of the theoretical foundations of the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality]. Zakon, (5), 157-170.
20. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics. Nishith Desai Associates Available at: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf.
21. Yevseyev, Ye.F. (2009). O sootnoshenii ponyatiy «zhivotnoye» i «veshch'» v grazhdanskom prave [On the correlation of the concepts of “animal” and “thing” in civil law]. Zakonodatel'stvo i ekonomika, (2).
22. Venediktov, A.V. (1948). Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost' [State socialist property]. Moscow. p. 663.
23. Solaiman, S.M. (2017). Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. Artificial Intelligence and Law, 25(2).

24. Nievans, N. (2016). European Civil Law Rules in Robotics. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/fr/supporting-analyses-search.html>.
25. Gadzhiyev, G.A. & Voynikanis, Ye.A. (2018). Mozhet li robot byt' sub'yektom prava (poisk pravovykh norm dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki)? Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, (4). DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.